

БАРТЕР

Эта история произошла в далёком 1973 году на втором курсе военного училища, как раз перед сдачей 3-й сессии. На кафедре математики нашим преподавателем был Михаил Исаакович Гимильштейн. Хороший был мужик, добродушный и юморной. Но был у него один существенный «недостаток» – безмерная любовь к шахматам. Играл он постоянно и много с преподавателями и на кафедре математики, и на нашей кафедре военных сообщений на водном транспорте. Практически его никто не мог обыграть, и он этим очень гордился. Преподаватели-соперники оправдывались: «Ты, Миша – математик, просчитываешь на несколько ходов вперёд...» и т.д.

На 1-м и 2-м курсах особенно не «разгуляешься», поэтому и мы, курсанты, часто в свободное время играли в шахматы. И вот в один прекрасный день ребята из нашего взвода решили подшутить над великим шахматистом училища. «Михаил Исаакович, а слабо выиграть у Ивы Шентенберка? (Однажды мы смотрели какой-то мистический фильм, где главным персонажем был Ива Шентенберк. А так как я свои «шмотки» всегда подписывал инициалами ИВА, то, что было дальше, не трудно догадаться).

– Кто та-кой Шен-тенберк? – последовал вопрос математика. Замечу сразу, что говорил Михаил Исаакович медленно, растягивая каждое слово, с таким приятным еврейским акцентом.

– Курсант. – Давай-те его сю-да. Ну а когда ребята представили Шентенберка, на лице преподавателя «отпечаталось» странное выражение, схожее со сладко задумавшейся гирей. С одной стороны, он был, похоже, разочарован, а с другой – явно обрадован, так как быстро понял, что этот Шентенберк ему не соперник.

– Ива-нов – Шентен-берк, бу-дем иг-рать. И тут же добавил: – Выиг-раешь, пос-тавлю пять.

Через пару дней партия состоялась. На игру пришли все ребята из взвода, за исключением тех, кто был в наряде и санчасти. Михаил Исаакович настолько был уверен в своей победе, что даже не захотел разыгрывать цвет фигур, а надменно предоставил мне фору играть белыми. И х отя в дебюте нового ничего не при-

думаешь, я не торопился делать очередной ход, благо играли без часов. Михаил Исаакович, напротив, отвечал быстро, шутил и, конечно, подкалывал. Мне, конечно, было не до смеху. На выигрыш я не надеялся, не думал и об обещанной пятёрке. В голове была только одна мысль – сыграть как можно лучше. Да и с ходами тянул: если и проиграю, то хоть по времени не так быстро. Время шло. Шутил Михаил Исаакович всё реже и реже. Лицо его с каждым ходом становилось всё мрачнее и мрачнее. Никто не уходил, все ждали финальную развязку, которая тянула на сенсацию. И вот она наступила. Партия продолжалась чуть больше трёх часов. Самоуверенность и недооценка сделали своё дело: непобедимый доселе «мастер» потерпел фиаско, сдав партию. Что творилось в аудитории – не передать. А «мастер» кисло улыбнулся и, не подав руки, ретировался. Сразу стало как-то не по себе...

Весть о проигрыше лучшего шахматиста быстро разнеслась по училищу. Кто-то подшучивал, кто-то сожалел, кто-то, естественно, подкалывал. Он с трудом переносил этот «позор», но о реванше даже и не помышлял.

На сессии я получил двойку. Вот с этого-то момента и начались мои математические проблемы. Дважды ходил на пересдачу, и оба раза впустую.

На каждой паре Михаил Исаакович на мне отыгрывался по полной: «К дос-ке пой-дёт кур-сант, сер-жант...» – (звания у нас были морские, но он этого не признавал), затем поднимал голову и говорил: «Ива-нов, выхо-ди на-род сме-шить». Другой раз так: «Ива-нов, вы-ходи выс-тупать с физкуль-турными упраж-нениями». (Когда чего-то не знаешь, пытаешься как-то руками жестикулировать, отсюда и такой прикол.) Было и такое: «К доске пой-дёт мас-тер спорта по плава-нию... – все сидят, переглядыва-ются: уж не сбредил ли старик? А он поднимает голову и продол-жает, – ...Ива-нов, че-го си-дим, че-го ждём?». Или вот так. Если у доски начинаю не сразу писать, он подходит ко мне, улыбается, затем поворачивается к аудитории и говорит "Чем-пион всё знал, но мол-чал, как Зоя Космо-демянская".

Нетрудно догадаться, что все задания давал мне с изюминкой, с «заковыркой», которую не так-то просто «схватить». И после пятиминутного решения говорил: «Чем-пион опять не в ту сто-рону поп-лыл».

Если, не дай Бог, при ответе на какой-то вопрос подниму глаза

вверх, тут же следует: «Ива-нов, бе-рём с потол-ка».

Ну, а если коллоквиумы проводил не в форме беседы, а в форме контрольных, то и здесь мне доставалось. И даже в том случае, если решено было практически всё правильно. Он ставил такие маленькие оценки, что невооружённым глазом не сразу их и разглядишь. Я у него спрашиваю: «Михаил Исаакович, Вы мне оценку не поставили?» – «Ива-нов, у тебя маленькая тро-ечка». После этого оценки за контрольные работы я разыскивал уже самостоятельно.

Я уже подумывал пойти и пересдать начальнику кафедры. Но на одной из лекций по педагогике и психологии преподаватель навёл меня на оригинальную идею. Мне нужно было самому предложить Михаилу Исааковичу сыграть ещё одну партию. Сыграть, чтобы проиграть!

А он точно этого и ждал, потому что сразу согласился: наверняка знал, как всё закончится. Он будет реабилитирован, а проигрыш в первой партии спишут на случайность. Но мне мешало одно «НО». Как ему проиграть? Подыграть? Старый лис всё поймёт; посмотреть фигуру – не убедительно. И придумал. Договорились о встрече. Зрителей на этот раз было только двое. Я, как и в первой партии, долго думал над каждым ходом. Вдруг взялся за коня и, как бы этого не замечая, отнял руку и продолжил думать. Через пару минут сделал ход другой фигурой. Оппонент улыбнулся и протянул: «Ива-нов – Шен-тен-берк (теперь можно и пошутить), а ты не только не зна-ешь мате-ма-тику, но не зна-ешь и пра-вила игры в шах-маты». Я сделал такое выражение лица, что сам Господь не усомнился бы в моём искреннем недоумении: «В чём дело, Михаил Исаакович?» – тихо спросил я. Последовало: «Тро-нул – хо-ди». Я попытался оспорить, что взялся за фигуру машинально и т.д., а он только сидел и улыбался. Догадался он или нет, этого я никогда не узнаю. Буквально через пару ходов я потерял коня, а с ним проиграл и партию.

Чтобы без проблем сдать зимнюю сессию, потребовался оригинальный бартер – сессию за шахматную партию.

От сессии до сессии время пролетело быстро. Я готовился не к летней сессии, а к последней сессии по математике. Учил везде, где можно и где нельзя. И вот последняя консультация перед экзаменом. Я набрался наглости или храбрости – как хотите, так это и расцените, и говорю: «Михаил Исаакович, к экзамену подгото-

вился на пять баллов». И тут же последовало: «Иванов (уже без Шентенберка), ты у меня по-лучишь пять бал-лов в том слу-чае, если я ста-ну чемпи-оном Ев-ропы по боксу». А учитывая то, что у преподавателя отсутствовала левая рука, комментарии излишни.

Отзвуки этого матча ещё долго давали о себе знать. Через четыре года на факультет военных сообщений на железнодорожном транспорте поступает мой брат... Всё тот же голос: «Иванов, ну да-вай, выхо-ди». Через пять минут: «Зачем при-шёл? Брат по сравне-нию с то-бой про-фессором был в мате-матике». Но это уже другая история.

